

«... В первом отделе особенно интересны и полны родословия, из вошедших в настоящее издание, следующих фамилий: кн. Воротынские, кн. Лыковы, кн. Острожские, кн. Курбские, кн. Холмские, кн. Пожарские, кн. Вишневецкие, кн. Кантемиры, гр. Брюсы, графы и бароны Лёвенвольде (ссылки на членов этой фамилии в исторических монографиях почти всегда исполнены ошибок, а между тем Лёвенвольде играли весьма важные роли в истории России первой половины XVIII века)...»

(Из предисловия к «Российской Родословной книге» Мих. Семевского, 9 февраля 1873, С.-Петербург)

МОРО ДЕ БРАЗЕ, КОТОРОГО ПЕРЕВОДИЛ ПУШКИН

В.К. Малиновский¹

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона², в статье, посвященной Бразье или Бразе, Иоанн–Николай Моро де (Brasey), сказано, что он — автор «путевых записок о России», в которых «не скрывает своего недовольства Россией и злобы на Петра и впадает в грубые погрешности не только против благопристойности, но и против исторической правды».

В 1835 году часть этих мемуаров перевел на русский язык А.С. Пушкин. Он написал предисловие, подготовив свой перевод к печати³. Выбранная А.С. Пушкиным часть относится к неудачному Прутскому походу Петра I, состоявшемуся летом 1711 года. Однако мемуары этим явно не ограничиваются. Ясно, что они относятся и к другим событиям, например, к участию автора и его жены в жизни двора супруги несчастного царевича Алексея Петровича.

Мнение А.С. Пушкина об этом мемуарном источнике неоднозначное. Он говорит: «мы не хотели скрыть или ослабить и порицания, и вольные суждения нашего автора, будучи уверены, что таковые нападения не могут повредить ни славе Петра Великого, ни чести русского народа».

Заглянем в этот источник поглубже; из того, что не стал переводить А.С. Пушкин, постараемся понять — как именно автор «впадает в грубые погрешности не только против благопристойности, но и против исторической правды».

Введение: сто лет после присоединения к России. Среди первого выпуска Царскосельского Лицея, к которому принадлежал А.С. Пушкин,

¹Доктор физ.-мат. наук, профессор, прямой потомок Герхарда Иоганна Левенвольде в IX-м поколении.

²Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (4 доп.) М., 1890–1907. 86 т.; Новый энциклопедический словарь: В 48 т. Под ред. К.К. Арсеньева. Т. 1–29. М., 1911–1916.

³При жизни Пушкина этот перевод опубликован не был. Впервые он появился в печати благодаря П. Плетневу в «Современнике», под названием «Записки бригадира Моро-де-Бразе о походе 1711 года», т. VI, 1837, № 2, стр. 218–300 с цензурными правками.

мы видим Антона Дельвига и Модеста Корфа. Это представители потомков Балтийского рыцарства⁴. Мать их товарища, будущего Светлейшего князя и канцлера Александра Горчакова, звалась Елена Доротея Ферзен. Имя графа (с 1795) Ивана Евстафьевича Ферзена, ее дальнего родственника и представителя древнего эстляндского рода, было в конце 18-го века известно каждому русскому. По словам А.В. Суворова, сказанным о нем в 1894 году, «озараясь еще свежей славой, разбитием главного бунтовщика Костюшки и взятием его в плен, совокупил он новые лавры; при всей слабости здоровья, бодрствуя духом, превозмогал он и труды, и опасности, и как распоряжением по своей части, так и мужеством подтвердил известную о нем репутацию». Еще один выпускник Лицея, Вильгельм Кюхельбекер, отец которого имел саксонское происхождение, по материнской линии приходится близким родственником другому представителю Балтийского дворянства — князю (с 1815) Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли, русскому полководцу⁵.

В недавно закончившейся войне 1812–1814 годов⁶ имена представителей Балтийского дворянства встречаются решительно на всех уровнях, включая командные⁷: Беллинсгаузен, Бистром, Буксгевден, Будберг, Врангель, Клодт фон Юргенсбург, Кнорринг, Корф, Левенвольде, Левенштерн, Мантейфель, Остен-Сакен, Пален, Розен, Тизенгаузен, Штемпель, Шлиппенбах, Энгельгардт⁸. Представители этих семейств — иногда практически вся мужская их часть — были в войсках. Поэтому известны, например, Розен 1-й, Иван Карлович; Розен 2-й, Григорий Владимирович; Розен 3-й, Александр Владимирович; Розен 4-й, Роман Федорович, и так далее⁹; из семьи Шлиппенбах офицерами в различных чинах в войсках и на флоте в то время были 9 человек¹⁰. Среди кавалергардов вплоть до 1860-х годов о Бородинском сражении вспоминали так¹¹: «... и был под Бородиным, когда убит был полковой командир

⁴Под «Балтийским рыцарством» подразумеваются представители матрикулированных семей, которых насчитывается всего несколько десятков и которые в большинстве своем — потомки рыцарей Ливонского или Тевтонского ордена. В 18–19 веках уместнее говорить о «Балтийском дворянстве». Слово «Балтийское» в совокупности означает Лифляндское, Эстляндское, Курляндское дворянство и дворянство о. Эзель. Так, Антон Дельвиг принадлежит к Лифляндскому, а Модест Корф — к курляндскому дворянству.

⁵«У русского царя в чертогах есть палата: Она не золотом, не бархатом богата. . . » — кому не известно это замечательное стихотворение А.С. Пушкина, написанное в 1835 году.

⁶Первый выпуск Царскосельского Лицея состоялся в 1817 году.

⁷Мы выписали лишь несколько имен из именного указателя к книге Бородино: Документальная хроника. М.: РОССПЭН, 2004.

⁸Особо скажем об Энгельгардте Павле Ивановиче, который 15 октября 1812 года был расстрелян у Молоховских ворот Смоленской крепостной стены. В последний путь его провожал священник Одигитриевской церкви, первый смоленский историк Никифор Мурзакевич. По воспоминаниям очевидцев, перед расстрелом он прервал читавшего ему приговор конвойного, запретил завязывать ему глаза со словами: «Прочь! Никто не видел своей смерти, а я её буду видеть», простился с сослуживцами и приказал стрелять. Первоначально французы прострелили ему ногу, обещая отменить расстрел и вылечить Энгельгардта в случае согласия его на переход на их сторону, но тот вновь отказался. Тогда был дан залп из 18 зарядов, 2 из которых прошли в груди и 1 в живот. Энгельгардт остался жив и после этого. Тогда один из французских солдат убил его выстрелом в голову.

⁹В номерах иногда имеется путаница. Она легко разрешается, если обратиться к послужным спискам указанных лиц.

¹⁰Малиновский В. К. Бароны Шлиппенбах — офицеры Императора Александра I. Сборник трудов потомков участников Отечественной войны 1812 года. Вып. 2. М.: Янус-К, 2008. С. 56–86.

¹¹См. Мемуары графа С.Д. Шереметева, том 2, Индрик, М.: 2005.

Левенвольде». В сборнике же биографий кавалергардов¹² сказано: «оба брата¹³ Левенвольде, достойные представители нашего Балтийского дворянства, нашли смерть на поле сражения, защищая, в рядах кавалергардов, честь и достояние своего отечества — России».

К началу 1800-х годов Балтийское дворянство оказалось тысячами нитей связано с Российской империей. Сам А.С. Пушкин всегда знал, что бабушкой его жены, Натальи Николаевны Гончаровой, была Эуфрозиния Ульрика фон Липгарт¹⁴. Увезший ее от мужа Иван Александрович Загряжский — скажем мы в дополнение — служил в 1780-х годах в Каргопольском карабинерном полку. А несколькими годами ранее в том же полку служили, и воевали в Турции и Польше, два брата, Андрей и Максим Шлиппенбах, старший из которых¹⁵ позднее стал директором Конногвардейских конских заводов (в Скопине и Починках), снабжавших гвардейские полки конским составом в военное и предвоенное время.

Благодаря Ю.Ф. Самарину¹⁶, нам оказалось доподлинно известно мнение Императора Николая I о роли Балтийского дворянства, высказанное им в марте 1849 года. Оно основано на очень понятных соображениях, отличных от того, что иногда говорили позднейшие историки¹⁷. Вкратце, оно таково:

«... Не говоря уже о том, что многое в том, что Вы пишете неверно и лживо¹⁸, что я мог бы доказать одним словом, Вы очевидно возбуждали вражду Немцев против Русских, Вы ссорили их, тогда как следует их сближать; Вы укоряете целые сословия, которые служили верно; начиная с Палена, я мог бы высчитать до 150 генералов».

Далее Император говорит:

«... Вы хотите принуждением, силою сделать из Немцев Русских, с мечом в руках, как Магомет; но мы этого делать не должны, именно потому, что мы Христиане... Вы пишете: если мы не будем господами у них и т.д., т.е. если Немцы не сделаются Русскими, Русские сделаются Немцами; это писано

¹²Биографии кавалергардов. СПб., 1906. Т. III. С. 15–16.

¹³Младший из братьев, Казимир Карлович (1780–1805) умер от ран на следующий день после Аустерлицкого сражения. — *Прим. В.М.*

¹⁴См. В.Б. Бобылева «И сердцу девы нет закона... Немецкие родственники Н.Н. Гончаровой». СПб.: Северная звезда, 2010.

¹⁵Андрей Иванович Шлиппенбах, ум. 1813 году, будучи директором Каваларгардских конских заводов.

¹⁶Ю.Ф. Самарин в молодости был заключен за предосудительное поведение в Петропавловскую крепость, а потом приглашен лично для душевспасительной беседы Императором Николаем I. См. «Ю.Ф. Самарин. крупный русский деятель пред лицом двух государей. 1848–1868»

¹⁷Позднейшие историки иногда говорили так: «Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из «клеотур» двух сильных патронов: «каналы курляндца», умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого каналы, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольда, обер-штальмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил другой Левенвольд, обер-гофмаршал, перещеголявший злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа». Разбору этого злого — а главное неверного — пассажа В.О. Ключевского посвящена статья Малиновского В.К. «Левенвольде — кого из них упоминал А. С. Пушкин в «Истории Петра I?»»

¹⁸Ю.Ф. Самарин составил из своих Записок книгу и сообщил ее своим близким знакомым, а фактически опубликовал. В этой книге он призывал к насильственной руссификации Балтийского края.

было в каком то бреду. Русские не могут сделаться Немцами, но мы должны любовью и кротостью привлечь к себе Немцев. Вы прямо метили на Правительство; Вы хотели сказать, что со времени Императора Петра I и до меня мы все окружены Немцами и потому сами Немцы. Понимаете, к чему Вы пришли: Вы поднимали общественное мнение против Правительства; это готовилось повторение 14 Декабря».

Славянофил Ю.Ф. Самарин прервал царя «уверением, что никогда не имел такого намерения», но — несмотря на обещания исправиться — мнений своих в корне не переменил. Его можно понять. Еще в сентябре 1737 года иностранный наблюдатель Фоккеродт И.-Г. в своем сочинении «Россия при Петре Великом» справедливо подметил истоки подобного недовольства:

«... Старинные цари хоть и делали завоевания, да только таких земель, владение которыми необходимо для царства или откуда нас беспокоили разбои. Кроме того, они давали нам пользоваться плодами наших трудов, поступали с побежденными, как с побежденными, делили между дворянством их земли, а на место того ливонцы чуть у нас на головах не пляшут и пользуются большими льготами, чем мы сами, так что изо всего этого завоевания не выходит нам никакой другой прибыли, кроме чести оберегать чужой народ на свой счет да защищать его своею же кровью».

Пушкин–историк: «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». В отличие от Ю.Ф. Самарина, имя которого было очень хорошо знакомо современникам, но сейчас почти забыто, и даже в отличие от профессиональных историков, стремившихся влиять на современное им общественное мнение, таких как В.О. Ключевский, А.С. Пушкин удивительно глубок и не сиюминутен в своем историческом анализе и в большинстве своих оценок исторических событий и исторических лиц. Дело иногда доходит до курьеза. Так, пушкинские стихи из «Езерского»,

«Царя не стало; государство
Шаталось, будто под грозой,
И усмиренное боярство
Его железною рукой
Мятежной предалось надежде:
“Пусть будет вновь, что было прежде,
Долой кафтан кургузый. Нет!
Примером нам *да будет швед*”.
Не тут-то было. Тень Петрова
Стояла грозно средь бояр.
Бессилен немощный удар,
Что было, не восстало снова;
Россию двинули вперед
Ветрила те ж, средь тех же вод»,

известный историк 19-го века М.И. Семевский цитирует неправильно: он говорит “*не будет швед*”. Но ведь Пушкин в этих стихах говорит о «Затейке верховников» 1730 года, задуманной по примеру современной им Швеции: верховники попытались ограничить самодержавие, копируя шведский опыт, и предложили — неудачно предложили — кондиции Анне Иоанновне. Так что Пушкин пишет о судьбоносном для России событии¹⁹, а историк М.И. Семевский этого не понимает и сосредоточен на одном лишь «кафтани кургузом», то есть на вещах внешних, много менее значимых.

На наш взгляд, дело тут заключается в том подходе к Российской истории, смысл которого А.С. Пушкин выразил в одной единственной фразе:

«гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

В самом деле, постыдным малодушием будет исказить факты в угоду мнений, не замечать того, что иногда может быть выгодным не замечать, бояться слишком глубоко задумываться над фактами²⁰, и так далее.

«**История Петра I**». Возвратимся к Балтийскому дворянству, присоединение которого к Российской империи произошло лишь в 1710 году²¹. Это одно из свершений царствования Петра I; не-специалисту может показаться удивительным, как за менее, чем за 100 лет, оно принесло такие многочисленные плоды. Работая с подлинными архивными документами, А.С. Пушкин, автор «Истории Петра I», глубоко изучал этот вопрос. Говоря кратко, нам в этом деле все объясняет пушкинская фраза «шведск.<ая> редукция была уничтожена, — и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян».

Напомним три места из «Истории Петра I», первые два из которых касаются присоединения Прибалтики к России в 1710 г., а третье — дела царевича Алексея Петровича, закончившегося его гибелью в 1718 г. В части, относящейся к 1710 г., говорится:

- 30 сент.<ября> Петр подтвердил капитуляцию в П. Б. двумя дипломами — по ходатайству барона *Левенвольда*. Шведск.<ая> редукция была уничтожена, — и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян.
- 17 сент.<ября> . . . Петр послал в Ригу тайн.<ого> советника *Левенвольда* для учреждения гражданского порядка в Лифляндии, придав ему в помощь Зыбина и еще офицера, знавшего по нем.<еcki> и по латине. Сам Петр занялся исправлением крепостей и гаваней, вызовом иноземцев на заселение мест, опустошенных язвою etc. Он составил 15 000-й корпус лифл.<яндский> из природн.<ых> тамошних дворян.
- 22 декабря . . . В Лифл.<яндии> учреждена была комиссия. Наказ, *Левенвольду* данный (11 пункт.<ов>) (см. ч. III-269).

¹⁹Не вдаваясь в детали (см. Малиновский В.К. «Левенвольде — кого из них упоминал А.С. Пушкин в «Истории Петра I?»), заметим, что «тень Петрову» воплощали — среди прочих — два брата Левенвольде, Карл Густав и Густав Рейнгольд, старший из которых сформировал для защиты от «верховников» л.-гв. Измайловский полк. — Прим. В.М.

²⁰Георгу Гегелю приписывают фразу: «если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов».

²¹Это относится к Лифляндскому и Эстляндскому дворянству. Курляндия была присоединена к Российской империи много позже.

В части, относящейся к 1712 г., говорится:

- 21 <июня> Петр предписывает адмиралу в рижских делах, относящихся к *уезду и дворянству*, относиться к **Левенвольду**, к<а>сательно торговли к Исаеву, а гарнизона — к Полонскому etc.
- 2-го дек.<абря> Датский король соединился с сакс.<онским> войском; Петр его благодарил, а сам заслонил Штейнбоку все пути в Польшу. Тут получил он известие, что Штейнбок обратился к Шверину с намерением напасть на датск.<ие> и сакс.<онские> войска. Петр дал знать д.<атскому> королю, чтоб он дождался его, чтоб дать сражение, 8 декабря выступил в поход и с пути 3 курьеров: Нарышкина, Монса и **Левенвольда** послал одного за другим к д.<атскому> кор.<ол>ю — с подтверждением своего совета.

В части, относящейся к 1718 г., о царевиче Алексее, среди прочего, говорится:

- . . . женил его на принцессе Вольфенбит.<ельской> (смотри Moreau de Brasey). Она, кажется, изменила мужу с молодым **Левенвольдом**. Царевич ее разлюбил и взял себе в наложницы чухонку (см. Брюса; описание царевича и Кокса).

Левенвольде: кого из них А.С. Пушкин упоминал в «Истории Петра I»? Разбору этого непростого для многих историков вопроса посвящена отдельная статья²². Для удобства приведем следующую таблицу²³:

<i>отец</i> : Герхард Иоганн Левенвольде ²⁴ ∞ 1680 Магдалена Элизабет Левен ²⁵	?–26.4.1723 [♠ июнь 1696]
<i>старший сын</i> : Карл Густав Левенвольде ∞ 1722 Шарлотта Розен	? ²⁶ –30.4.1735
<i>средний сын</i> : Фридрих Казимир Левенвольде	1692–8.4.1769
<i>младший сын</i> : Густав Рейнгольд Левенвольде	1693–22.7.1758 [♠ январь 1742]
<i>дочь</i> : Хелена Кристина (по др. ист. Шарлотта) Левенвольде ∞ 1722 Беренд Фридрих Шлиппенбах (1695–1737)	

В 1696 г. Герхард Иоганн Левенвольде, в то время майор шведской службы, был арестован, доставлен в Стокгольм и приговорен отцом Карла XII, Карлом XI, к смертной казни — он, как и его близкий родственник и сподвижник Иоганн Рейнгольд Паткуль, ходатайствовал²⁷ об отмене редуций²⁸,

²²Малиновский В.К. «Левенвольде — кого из них упоминал А.С. Пушкин в «Истории Петра I?»» Как следует из этого анализа, роль всех перечисленных лиц в Российской истории была весьма значительна.

²³Значками [♠ июнь 1696] и [♠ январь 1742] обозначены смертные приговоры, вынесенные шведским королем Карлом XI и русской императрицей Елизаветой Петровной (приговор к отсечению головы был заменен ссылкой). Значок ∞ обозначает супружество.

⁹Мать Г.И. Левенвольде, Изабелла Архарт, происходит из древней шотландской семьи, отец которой, Джон Архарт, был вынужден переселиться в Швецию. Он был подполковником королевской гвардии и был возведен в шведское дворянство.

¹⁰Иногда, по незнанию или по недоразумению, утверждают, что фамилия Левен, или Лёвен (Löwen), к которой принадлежала Магдалена Элизабет Левен, — это «сокращение от Левенвольде (Löwenwolde)». Это неверно: фамилия Левен вполне самостоятельна, имела собственную славную родословную и собственный герб.

¹¹Не ранее 1680 г. и не позднее 1692 г.

²⁷Паткуль был во главе делегации ливонского дворянства, в 1689 году приехавшей в Стокгольм к Карлу XI просить об отмене редуций.

²⁸Начавшаяся в Эстляндии и Лифляндии в отношении шведов, новых землевладельцев, и распространявшаяся на потомков рыцарства, редуция привела к тому, что вскоре из пяти тысяч имений у

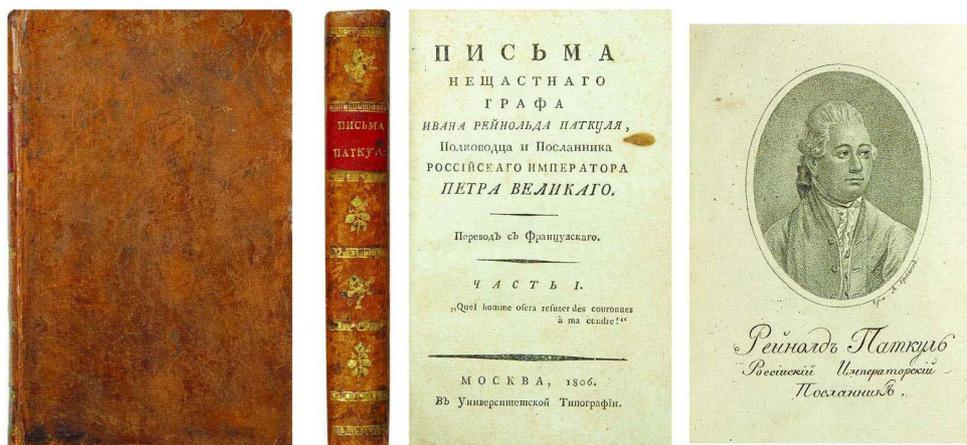

Рис. 1. «Письма несчастного графа Ивана Рейнольда Паткуля», Изд. 1806 г. Титульный лист и фронтиспис книги.

т.е., говоря кратко, политики произвольной реквизиции имений балтийского рыцарства в шведскую казну. Спасаясь от приговора, Герхард Иоганн Левенвольде бежит в Курляндию и Польшу, где занимает ряд высоких постов, а после Полтавской битвы переходит на службу к Петру I и становится его «пленипотенциарием» в Прибалтике. Именно на Герхарда Иоганна Левенвольде была возложена миссия реализовать присоединение Лифляндии и Эстляндии к России — и это было сделано на условиях сохранения местных законов, языка и вероисповедания.

В отношении же Иоганна Рейнольда Паткуля смертный приговор отца, Карла XI, был приведен в исполнение сыном, Карлом XII, в 1707 году. Вот что можно прочесть об этом в «Гистории Свейской войны», фундаментальном труде, редактировавшемся лично Петром I:

«... А 1707-го году марта 19 числа Лит из Берлина писал, что Паткуль еще 14-го числа того ж марта шведам еще не выдан был, но выдан 6-го апреля в ноци таким обстоятельством, что в железах на руках и ногах, в одном шлафроке верхом отвезен от шведов, и что король Август недавно Штатам Галанским отписал, что он Паткуля, *яко царского министра*²⁹, шведам выдать не может.

1707 году 4 марта Лит из Берлина писал³⁰, что генералу П. Пайкилю³¹ 14-го февраля того ж году в Штокгольме чрез палача голову отсекли.

Паткуля заключенного шведы с собою вывезли из Саксонии 1707 сентября в первых числах, а октября в 10 день, не смотря не [на] какие предстательства других государей, близь местечка Казимира в Великой Полше колесован и четвертован, где еще

лифляндского дворянства осталась лишь тысяча. Редукция в одночасье выводила целые семьи за грань нищеты.

²⁹Sic! Паткуль был послом Петра I в союзной державе, у короля Августа! — Прим. В.М.

³⁰На полях написано: Лит о сем писал в реляции от 12-го апреля.

³¹К сожалению, этих двух людей, П. Пайкиля и И.Р. Паткуля часто путают — по созвучию фамилий и по сходной кончине. Весьма часто ошибаются в подписях к портретам. — Прим. В.М.

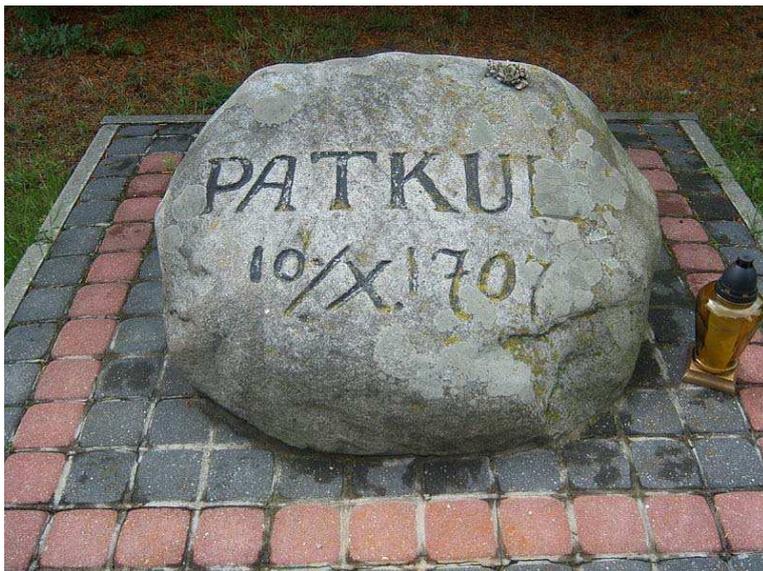

Рис. 2. Памятник на месте казни Иоганна Рейнольда Паткуля.

Рис. 3. Орудие казни. Колесо было похоже на обычное колесо от телеги, только больших размеров и с большим количеством спиц. Металлические пластины сделаны для ломания костей.

особливо примету достойно, что тот офицер, которой ему еще отчасть живому после колесования голову отрубить допустил, от короля швецкого чину лишен, ибо король повелел голову у него скорее не отрубить, пока не замучился до смерти. *Кн. 19. Л. 333-334 об.*

«... смотри **Moreau de Brasey**». Помимо архивных документов, полезным источником для добросовестного историка всегда были мемуары. Поэтому ремарку А.С. Пушкина следует понимать буквально — то есть, взять в

свои руки книжки «Записок политических, забавных и сатирических господина Жана-Никола де Бразе, графа Лионского, полковника Казанского драгунского полка и бригадира войск его царского величества»³², написанные на французском языке и вышедшие двумя изданиями, 1716 и 1735 годов, и тщательно их прочитать. Несомненно, что сам А.С. Пушкин так и сделал.

Наш интерес представляет — как ни странно — не та часть, которую А.С. Пушкин решил донести в переводе до русского читателя, а то, что он не стал переводить. И именно эта им не переведенная часть раскрывает нам личностную характеристику Моро де Бразе и его жены, которая — согласно А.С. Пушкину — «как кажется, была то, что французы называют “une aventurière”». Суть непереуведенного текста — по словам А.С. Пушкина — в том, что «в 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворе государыни великой княгини, супруги несчастного царевича, но не ужилась с молодым графом Левенвольдом и была выслана из Петербурга. . . . В сих записках слишком часто принужден он оправдывать то себя, то свою жену. Они не имеют ни прелести Гамильтона, ни оригинальности Казановы: слог их столь же тяжел, как и неправилен. . . . Моро не любит русских и недоволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него по-неволе».

За что Моро да Бразе сперва полюбил Г.И. Левенвольде? После того, как, ссылаясь на беды, бедность, и собравшись в Россию, Моро «отверз свое сердце»³³ некоему «графу Фризскому»³⁴, он получил от него рекомендательные письма, в том числе — к Герхарду Иоганну Левенвольде.

Прибыв в город Ригу, где было трудно найти жилье, Моро поспешил к Г.И. Левенвольде, который, страдая в то время подагрой, «принял его как многолетнего друга»³⁵. К своему удивлению, Моро встретил неожиданное для себя радушие и был приглашен поселиться — на всем готовом — в доме Г.И. Левенвольде³⁶. Напомним, что в то время Г.И. Левенвольде был плеинипотенциарием Петра I — то есть полномочным представителем верховной власти — а не содержанием постоялого двора для проезжающих, так что удивляться Моро действительно мог.

Он затем пишет³⁷: «. . . около ноября месяца курьер от князя Меншикова привез уполномоченному генерал-комисару лифляндскому барону Левенвольду приказание собрать рижских дворян и объявить им, что князь через месяц прибудет в Ригу для принятия от них присяги в верности и подданстве

³²Moreau de Brasey, Jean Nicole. Mémoires Politiques, Amusans Et Satiriques De Messire J. N. D. B. C. de L, Colonel du Regiment de Dragons de Casanski & Brigadier des Armées de Sa M. Czarienne Bd. I. Veritopolie [i.e. Amsterdam] (1716); Moreau de Brasey, Jean Nicole. Mémoires Politiques, Amusans Et Satiriques De Messire J. N. D. B. C. de L, Colonel du Regiment de Dragons de Casanski & Brigadier des Armées de Sa M. Czarienne Bd. 2 Veritopolie [i.e. Amsterdam] (1716).

³³Моро постоянно жалуется. При этом — обратим на это внимание читателя один раз и навсегда — он использует чрезвычайно напыщенный стиль и склонен к излишней, приторно-слащавой эмоциональности: «quand je lui eus fait une ouverture de coer», и проч.

³⁴«Comte de Frise».

³⁵«Je fus assez embarrassé pour trouver un logement en arrivant à Riga, puis que je fus contraint, n'en trouvant point, d'aller descendre chez le Baron de Leuoldt, qui me reçut comme on reçoit un ami de longuemain». Здесь и далее мы сохраняем орфографию оригинала.

³⁶Il me fit donner un Apartement chez lui qu'il avoit fait meubler exprès.

³⁷В переводе А.С. Пушкина.

его царскому величеству. Между разными новостями князь прислал Левенвольду и условия, недавно предложенные Портою царю, во избежании войны, неминуемой в случае несогласия с его стороны. Я жил у Левенвольда³⁸. Мы провожали вместе часы веселия на досуге».

Кого Петр I выбрал в жены царевичу Алексею Петровичу? Говорят, что «из политических соображений в жены своему сыну Алексею Петр I выбрал вольфенбюттельскую принцессу Шарлотту Христину Софию». Кем же она была? Шарлотта Христина София (1694–1715) была³⁹

- родной (младшей) сестрой Елизаветы Кристины Брауншвейг–Вольфенбюттельской (1691–1750), супруги Императора Священной Римской империи Карла VI (1685–1740); теткой (родной сестрой матери) будущей императрицы Марии–Терезии (1717–1780), дочерью которой была королева Франции Мария Антуанетта.
- родной (старшей) сестрой Антуанетты Амалии Брауншвейг–Вольфенбюттельской (1696–1762), матери будущей жены короля Пруссии Фридриха Великого (1712–1786), Елизаветы Кристины (1715–1797).

Это, по меркам того времени, действительно очень достойный выбор.

В мае 1712 г. Шарлотта «со своей немецкой свитой, предводимой бароном Левенвольдом», как пишет историк Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920), прибыла в С.-Петербург. Говоря точнее, выполнив миссию «пленipotенциария» Петра I в Прибалтике, Герхард Иоганн Левенвольде назначается обер-гофмейстером двора супруги царевича Алексея Петровича.

За что Моро да Бразе возненавидел Г.И. Левенвольде? Как мы помним, А.С. Пушкин упоминает жену Моро, говоря, что она, «как кажется, была то, что французы называют “une aventurière”». Мы бы сказали сильнее: она производит впечатление шпионки недружественного к России Французского двора, которой была поставлена задача внедриться в двор Софии Шарлотты, обер-гофмейстером которого — повторим — был назначен⁴⁰ Г.И. Левенвольде. Естественно, она получила от него должный отпор.

Обиженный муж, оскорбленный в лучших чувствах, довольно определенно отреагировал на это: «поскольку до сего времени я видел со стороны барона Левенвольда только видимые проявления щедрости и хороших манер в отношении меня, у меня не возникало к нему никаких других чувств, кроме благодарности. *Но отношение его к Правительнице Двора Ее Высочества⁴¹, моей жене, не позволяет мне больше хранить молчание. Поскольку он объявил себя врагом Графини Лионской, я объявляю себя его врагом и покажу ему — хотя мягкосердечие мешало мне до сих пор это сделать — кем он является в своем*

³⁸Герхарда Иоганна Левенвольде. — *Прим. В.М.*

³⁹Для краткости, мы не упоминаем, например, ее родство с курфюрстиной Ганновера Софией (1630–1714), сын которой Георг Людвиг (1660–1727) — с 1714 г. король Великобритании.

⁴⁰Стоит ли упоминать тот очевидный факт, что при монархическом строе правления все, что связано с престолонаследием и жизнью семьи Монарха, представляет первостепенную важность.

⁴¹Sic! Этот титул — «Gouvernante de la Cour» — понятное дело, был выдан мужем своей жене. В росписях двора такой персоны не значится. По словам А.С. Пушкина, Моро, «вероятно по своей драгунской привычке, располагал иногда чужою литературной собственностью, как неприятельскою»; очевидно, это относилось не только к литературе. — *Прим. В.М.*

РИС. 4. Густав Рейнгольд Левенвольде, род. 1693, в Лифляндии—ск. 1758 в Соликамске, младший брат Карла Густава Левенвольде, самый младший из трех сыновей Герхарда Иоганна Левенвольде. Пушкин, История Петра I: «... женил его на принцессе Вольфенбит. <ельской> (смотри Moreau de Brasey). Она, кажется, изменила мужу с молодым *Левенвольдом*. Царевич ее разлюбил и взял себе в наложницы чухонку (см. Брюса; описание царевича и Кокса). Моро де Бразе называет его «jeune étourdi» («молодой вертопрах»), «sans esprit» («слабоумным»), «mal-fait» («недоделком»), «laid» («уродом»), «Calmouque en un mot» («одним словом, калмыком»), etc.

*существо, и что это же самое чувство заставляет меня теперь сорвать с него маску, чтобы ославить его на весь мир и чтобы все знали, каков он есть и не заблуждались на его счет*⁴².

Далее — на протяжении десятков страниц — следуют потоки изощренных ругательств⁴³. Не будем приводить их примеров. Заметим лишь, что Густава

⁴²Comme jusqu'ici le Baron de Leuvoldt ne m'avoit donné occasion que de me louer de la générosité apparente, & des bonnes manières qu'il avoit eues pour moi, je n'avois vécu qu'en reconnaissance avec lui; *mais la conduite qu'il a tenuë avec la Gouvernante de la Cour de Son Altesse Imperiale ma femme, ne me permettant pas de garder le silence, je veux, puis qu'il s'est déclaré l'ennemi capital de la Comtesse de Lion, me déclarer le sien, & lui montrer que si la charité m'a empêché de révéler ce qu'il est dans le fond jusqu'ici, cette même charité me force à le démasquer, pour que toute la terre connoisse le Baron Leuvoldt tel qu'il est, & n'y soit plus trompé.*

⁴³Вероятно, именно это названо впоследствии «погрешностями не только против благопристойности».

Рейнгольда Левенвольде, младшего сына Г.И. Левенвольде, Моро де Бразе называет «jeune étourdi» («молодой вертопрах»), «sans esprit» («слабоумным»), «mal-fait» («недоделком»), «laid» («уродом»), «Calmouque en un mot» («одним словом, калмыком»), etc. Портрет этого «молодого вертопраха» и «одним словом, калмыка», организовавшего впоследствии Русский Императорский двор⁴⁴ при Анне Иоанновне, мы можем видеть: он сохранился.

Лишь один пункт в обвинениях Моро, предназначенных европейскому читателю, мы не оставим без внимания. Вот он: «Возможно, строгий цензор упрекнет меня в неблагодарности, когда увидит те цвета, какие я использую здесь в моем описании, особенно после того, как он прочел ранее то, что я писал в 1713 году о времени войны с Турцией. Но пусть он знает, что это было из-за тех обязательств, которые я имел перед ним — и поэтому я избегал говорить об этом лживом сердце, душе мезкой и подлой, и разоблачить этого человека гнусного поведения, проводящего жизнь в непристойности, пагубного характера и вкусов, повергавших в ужас всех, кто постиг его до самого дна⁴⁵; я говорю здесь о благородном сословии Риги. *Барон Левенвольд был ливонцем по своему происхождению, по воле случая был рожден подданным короля Швеции и с юности был на его службе. Он сбросил иго своего короля⁴⁶ и присоединился к Паткулю, когда последний предавал своего короля и свою родину. Кара, которую получил сей предатель (Паткуль) от шведских армий была бы такой же и для барона Левенвольда, если бы он попал шведам в руки, и боязнь закончить жизнь в руках палача привела его к службе Царскому Величеству, который презирал его так же, как и вся русская нация. На свете нет такого владыки, который бы не ласкал предателя, и который не приветствовал бы предательства, если бы это ему было на пользу, особенно в завоеванной стране. Левенвольд был ливонцем. Царь покорила эту страну, но не знал ее деталей и секретов, и должен был прибегнуть к помощи людей благородного происхождения из этой страны, которым доверил управление от своего имени. Один Левенвольд, который был до этого в Саксонии и который видел, как Польский король выдал Паткуля в шведские руки, и как весь мир приветствовал это наведение справедливости Шведским королем, опасаясь подобного и себе, предложил свои услуги царю и служил ему с пользой для окончательного разорения своих соотечественников и своей страны, что и дало ему пост Полномочного и генерального представителя в Ливонии, и проч.»⁴⁷.*

⁴⁴См. Агеева, О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М.: 2008. 380 с.

⁴⁵Заметим попутно, причем это относится ко всем его мемуарам, что Моро очень любит прилагательные превосходной степени. Удивительна его всегдашняя логика: кто мне хорош, тот всем хорош. — *Прим. В.М.*

⁴⁶Так в подлиннике (“il secoïa le joug de son Roi”). Да так и по существу: Эстляндия и Лифляндия были присоединены к Швеции в 1651 и 1660 годах в результате военной оккупации. — *Прим. В.М.*

⁴⁷«... Peut-être quelque rigide Censeur m'accusera d'ingratitude à son égard quand il verra les couleurs que j'emploie ici, après avoir leu les termes dont je me fis servi dans les Memoirs de la Guerre de Turc, & du Russe que je donnai au public en 1713, mais qu'il sache que ce n'est qu'en faveur des obligations que je lui avois, que j'avois évité de définir ce cœur faux, cette ame lâche & vile, & de démasquer un homme dont la conduite est abominable, la vie un tissu d'ordures, & de caractère pernicieux aussi-bien que les mœurs, ce qui l'a rendu l'horreur de tous ceux qui le connoissent à fond. J'atteste ici la Noblesse de Riga. *Le Baron de*

Возвращаясь к началу этой статьи, читатель сам сможет проверить — прав ли был в своих оценках Моро де Бразе. И если в 1710 году «Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян» потому, что «шведск.<ая> редукция была уничтожена», то последующие сто лет ясно показали, прав ли был Петр I, при участии своего полномочного представителя Левенвольде включив в состав Российской империи завоеванные прибалтийские провинции на беспрецедентных условиях — сохранении местного самоуправления, вероисповедания и языка.

Вероятно, именно оценки Моро де Бразе, подобные приведенной выше, назывались позднейшими историками «погрешностями не только против благопристойности, но и против исторической правды».

Заключение. В 1825 году А. С. Пушкин написал эпиграмму на критика и журналиста Михаила Каченовского:

« — Как! жив еще Курилка журналист?
 — Живёхонек! всё так же сух и скучен,
 И груб, и глуп, и завистью размучен,
 Все тискает в свой непотребный лист
 И старый вздор, и вздорную новинку.
 — Фу! надоел Курилка журналист!
 Как загасить вонючую лучинку?
 Как уморить курилку моего?
 Дай мне совет.
 — Да . . . плюнуть на него».

Разобравшись в творчестве Моро-де-Бразе, мы — как это и сложилось в русской традиции — последуем этому мудрому совету.

Leuvoldt est Livonien de Nation, & par consequence né sujet du Roi de Suede, & de jeunesse attaché à son service. Il secoüa le joug de son Roi en se joignant à Patkul quand il trahit son Roi & sa patrie. La récompense qu'à eu ce traître à la tête des Armées Sueadoises, est la même qu'auroit le Baron de Leuvoldt, s'il tomboit entre les mains des Suedois, & c'est la crainte de finir ses jours par la main d'un bourreau, qui le retient au service de Sa Majesté Czarienne, qui ne laisse pas de s'en défier aussi-bien que toute la Nation Russe. Il n'y a point de Souverain qui ne caresse un traître, & qui ne chérisse la trahison quand elle vise à ses intérêts, sur tout en pays de conquête. Leuvoldt étoit Livonien, le Czar soûmettoit cette Province, & n'en pouvoit à fond savoir les affaires secrettes, que par les Gentilshommes du pays qui en avoient la Régence. Le seul Leuvoldt, qui étoit pour lors en Saxe, & qui avoit été témoin de la manière dont le Roi de Pologne avoit remis Patkul entre les mains des Suedois, & qui comme toute la terre avoit sçu la justice que lui avoit rendu le Roi de Suede, de craignant la même destinée, s'offrit au Czar & le servit utilement pour la ruine de ses Compatriotes & de son pais, ce que lui mérita la Charge de Plénipotentiaire Commissaire Général de la Livonie, etc.»